

Кристина Романюченко

12+

Последний зов Левифана

Кристина Романютенко

Последний зов Левиафана

«Издательские решения»

Романютенко К.

Последний зов Левиафана / К. Романютенко — «Издательские решения»,

История — где самая страшная угроза рождается не из тьмы, а из молчания. Это история о том, как легко потерять друг друга в паузе между фразами. О том, что самое опасное чудовище может жить не в море, а внутри нас — в страхе сказать правду, в привычке отмахиваться от важного, в убеждении, что «потом» обязательно наступит. И о том, что иногда единственный способ победить тень — назвать её по имени и наконец-то заговорить.

© Романютенко К.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. «Голос из прошлого»	6
Глава 1. «Город перед дорогой»	8
Глава 2. «Перелёт»	10
Глава 3. «Прибрежный город»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Последний зов Левиафана

Кристина Романютенко

© Кристина Романютенко, 2026

ISBN 978-5-0070-7911-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. «Голос из прошлого»

За окном моросил октябрьский дождь, размывая огни города в тусклые пятна. Я сидела у окна, поджав ноги, и перебирала стопку пожелтевших писем, перевязанных выцветшей лентой. На столе рядом остывал кофе и лежала раскрытая тетрадь с исписанными страницами — черновик новой книги, который не двигался уже третью неделю.

Я всё пыталась ухватить ту самую интонацию, ту самую дрожь в голосе, которая превращает слова в жизнь. Но вместо этого чувствовала только пустоту. И эту пустоту я всё чаще связывала не с отсутствием идей, а с тем, как тихо стало в нашем доме.

Вчера я стояла у окна кухни, глядя, как капли стекают по стеклу, будто чьи-то несбывшиеся слова. Даня сидел за столом, уткнувшись в экран телефона — очередной рабочий чат, очередное срочное дело, которое никак не могло подождать до утра.

В комнате пахло остывшим ужином и неловкостью, которую никто не решался назвать вслух.

«Вот опять, — думала я, сжимая пальцами край подоконника. — Он снова там, в своём мире, где всё раскладывается по полочкам: улики, версии, сроки. А я здесь, пытаюсь поймать хоть одну живую эмоцию, хоть намёк на то, что мы всё ещё мы».

Я хотела подойти, положить голову ему на плечо, сказать: «Знаешь, сегодня мне было страшно. Не из-за чего-то конкретного, просто день выдался такой, будто весь мир стал слишком большим, а я — слишком маленькой». Но слова застряли где-то в горле, тяжёлые и неуклюжие, потому что я уже знала, каким будет его ответ. Спокойный, рассудительный, с лёгкой ноткой усталости: «Ну что ты, всё нормально. Просто день тяжёлый. Завтра будет лучше». И в этом «всё нормально» звучало совсем другое: «Не сейчас. У меня нет сил». Или мне так казалось?

Всё чаще мне стало казаться, что мы стали чужими, которые просто делят один дом, одни чашки, одни простыни. Чужими, которым неловко даже случайно задеть друг друга в тесном коридоре. И самое страшное было это аккуратное, бережное молчание, будто каждый боялся, что любое слово станет последней каплей.

«Может, я слишком многого хочу? — крутилось в голове, пока я механически протирала и без того чистую столешницу. — Может, ему просто нужно, чтобы всё было просто: ужин, новости, сериал, сон. А я вечно тащу в нашу жизнь какие-то глубины, смыслы, драмы...»

Но стоило этой мысли появиться, как внутри всё сжалось от несправедливости. Ведь раньше он слушал. Раньше, когда я рассказывала про свои идеи, про сны, про строчки, которые приходили посреди ночи, он смотрел на меня так, будто в этих словах было самое важное на свете. А теперь в его взгляде всё чаще мелькало терпеливое ожидание — когда же я наконец договорю, чтобы можно было вернуться к чему-то «настоящему», к тому, что можно измерить, проверить, закрыть.

По вечерам я открывала тетрадь, водила ручкой по бумаге, пытаясь вытолкнуть из себя всё то, что не могла сказать вслух. Получались обрывки, метафоры, образы — и ни одной живой фразы, которую можно было бы произнести Дане. Потому что слова, рождённые из обиды и страха, звучали бы как упрёк, а я не хотела его упрекать. Я хотела, чтобы он сам вдруг остановился, отложил телефон, посмотрел и спросил: «Что с тобой? Расскажи».

Но он не останавливался.

А я не говорила.

Мне хотелось закричать, чтобы пробить эту тишину. Или заплакать, чтобы он наконец заметил, что что-то не так. Но вместо этого я просто стояла у окна и думала: «Если мы и дальше будем так молчать, однажды нам станет не о чем говорить даже о китах».

Даня вошёл бесшумно, как умел только он — привычка следователя, вошедшая в быт. В руках у него была пачка документов и билеты, сложенные пополам. Он остановился в дверях, будто не решаясь переступить невидимую границу, которая, казалось, пролегла между нами в последние месяцы.

— Смотри, — сказал он, протягивая билеты. — Я взял на начало ноября. Мы едем смотреть китов. Туда, где море и ветер, и где не нужно ни о чём думать.

Я подняла глаза. В его взгляде было столько надежды, что мне стало больно. Я знала: он искренне верит, что поездка всё исправит. Как будто достаточно сменить декорации, чтобы вернуть то, что постепенно рассыпалось между нами.

— Киты... — повторила я, словно пробуя слово на вкус. — Ты помнишь, я рассказывала тебе про ту историю? Про океанолога, который исчез десять лет назад? Его так и не нашли. Только обрывки записей, где он писал, что киты будто пытаются что-то сказать... что они кричат, а мы не слышим.

Даня кивнул, но в его глазах мелькнуло лёгкое раздражение — то самое, едва заметное, от которого у меня сжималось сердце. Я видела: ему хочется простого ответа, простого «да», простого плана на отпуск. А я снова тяну в глубину, в загадки, в то, что нельзя измерить и закрыть делом.

— Я помню, — сдержанно ответил он. — Но сейчас не нужно ничего расследовать. Просто поедem, посмотрим на китов, подышим морским воздухом. Может, ты снова начнёшь писать.

Я улыбнулась, но улыбка получилась натянутой. Я хотела верить, что это сработает. Хотела верить, что одного совместного путешествия хватит, чтобы растопить тот лёд, который нарастал между нами день за днём.

А лёд был. Тихий, незаметный, как иней на стекле. Он проявлялся в мелочах: в том, как Даня уходил в себя после тяжёлого дня и не хотел говорить ни о чём, кроме бытовых вещей; в том, как я всё чаще искала поводы задержаться вне дома, лишь бы не сидеть в этой звенящей тишине. Он хотел стабильности, предсказуемости, опоры. Я — огня, движения, смысла.

— Ладно, — наконец сказала я, откладывая письма. — Поедем. Наверное, это то, что нам сейчас нужно.

Даня выдохнул, будто только сейчас позволил себе поверить, что всё будет хорошо. Он подошёл, сел рядом, обнял меня за плечи — крепко, по-своему надёжно. Я прижалась к нему, вдыхая знакомый запах, и на мгновение показалось, что лёд действительно тает.

Но где-то в глубине души я знала: чтобы растопить такой лёд, одного отпуска мало. Нам предстояло не просто увидеть китов — нам предстояло услышать друг друга. А это, возможно, было сложнее, чем разгадать любую тайну океана.

И пока я складывала письма обратно в коробку, мои пальцы задержались на одной строчке, выцветшей от времени: *«Они кричат, а мы не слышим»*.

Глава 1. «Город перед дорогой»

Екатеринбург сжимал меня в своих привычных объятиях — тяжёлых, бетонных, чуть шершавых, как старые перчатки, которые не хочется снимать, даже если они уже не по размеру. Завтра мы уезжали. Не в отпуск, не на выходные — в дорогу, которая, я чувствовала, должна была всё перекроить. И от этого город казался одновременно слишком близким и уже чужим, будто я смотрела на него сквозь стекло, которое вот-вот запотеет от моего дыхания.

Я металась по квартире, то складывая, то разворачивая одну и ту же футболку. В голове крутились списки: документы, зарядки, аптечка, что-то ещё, что обязательно забудется. Но дело было не в вещах. Дело было в том, что я никак не могла поймать равновесие между «сейчас» и «завтра». Сейчас — это кухня, запах кофе, этот город, в котором каждый перекрёсток шепчет мне что-то своё. Завтра — это пустота трассы, ветер, незнакомые названия на указателях и вопрос, который я боялась задать даже себе: а что, если я не справлюсь?

Даня сидел за кухонным столом, склонившись над ноутбуком. Его спокойствие было почти осязаемым — ровное, уверенное, как линия горизонта в ясный день. Он щёлкал мышкой, делал пометки в блокноте, время от времени потягивал остывший чай. Для него сборы были задачей с чёткими параметрами: вес багажа, маршрут, запас топлива. Никаких тревог, только факты.

— Ты эту футболку точно берёшь? — спросил он, не поднимая глаз. — Или опять потом скажешь, что она не нужна?

Я замерла, сжимая ткань в кулаках. В его голосе не было раздражения, только лёгкая, почти заботливая практичность. Но именно эта практичность сейчас царапала меня сильнее любого упрёка.

— Не знаю, — буркнула я, бросая футболку на кровать. — Может, возьму, может, нет. Там видно будет.

Он наконец поднял глаза. В них мелькнуло что-то — не раздражение, а скорее усталость от этой моей неопределённости.

— Нам выезжать в шесть. Если ты будешь метаться до последнего, мы опоздаем.

— Я не мечусь! — возразила я, хотя сама чувствовала, что мечусь. — Просто пытаюсь всё предусмотреть.

— Предусмотреть всё невозможно, — спокойно ответил он, снова уткнувшись в экран. — Мы едем, и всё. Остальное по ходу дела.

«По ходу дела» — эти слова прозвучали как приговор. Для меня «по ходу дела» означало хаос, потерю контроля, страх. Для Дани — свободу и гибкость. И в этот момент я вдруг остро почувствовала, как далеко мы друг от друга, даже сидя в одной комнате.

Я подошла к окну. За стеклом город жил своей вечерней жизнью: огни, машины, редкие прохожие, спешащие куда-то по своим делам. Всё было таким обычным, таким будничным. А внутри меня всё дрожало от напряжения.

— Даня, — тихо сказала я, не оборачиваясь. — А если... не получится? У нас не получится вернуть нас...

Он помолчал, будто взвешивая слова. Потом закрыл ноутбук и подошёл ко мне, встал рядом, глядя на тот же город, что и я.

— Справимся, — сказал он, положив руку мне на плечо. — Мы же вместе.

Но в его голосе не было той уверенности, которую я хотела услышать. Или, может быть, я просто не хотела её слышать, потому что моя тревога была слишком громкой.

Вечер тянулся, как резинка баблгам (помните такую?), которую растягивают до предела. Мы пытались говорить о пустяках — о погоде, о старых друзьях, о том, какой кофе лучше

брать в дорогу. Но между фразами повисали паузы, тяжёлые и неловкие, как забытые слова, которые никто не решался произнести вслух.

И в какой-то момент эти паузы стали невыносимыми.

— Знаешь, — вдруг выпалила я, повернувшись к нему, — иногда мне кажется, что тебе вообще всё равно. Что ты просто делаешь своё дело, а мои тревоги для тебя — как шум на фоне.

Даня вздрогнул, будто я ударила его. Его лицо на мгновение стало чужим, отстранённым.

— Это не так, — твёрдо сказал он. — Просто я не знаю, как с этим справляться. Ты волнуешься, а я... я пытаюсь всё держать под контролем. Чтобы тебе было спокойнее.

— Но мне не спокойнее! — крикнула я, и тут же пожалела о крике, потому что он был слишком громким для этой тихой квартиры. — Мне нужно, чтобы ты просто сказал: «Я с тобой. Я вижу, что тебе страшно». А не «мы справимся», как будто это какая-то задача из твоего списка.

Он смотрел на меня долго, будто пытался прочесть что-то в моих глазах. Потом провёл рукой по лицу, словно стирая усталость.

— Прости, — тихо сказал он. — Я... я правда не хотел, чтобы ты чувствовала себя одиноким. Но в отношениях есть не только ты и твоя тревожность, ещё есть я, мои чувства и эмоции.

Мы стояли друг напротив друга, разделённые не метрами, а чем-то гораздо более глубоким. И в этой тишине я вдруг поняла, что эта ссора — не про футболки и не про сборы. Она про то, что мы оба боялись этой дороги, но боялись по-разному. И не умели сказать об этом друг другу.

Потом мы молча дособирали вещи. Даня убрал ноутбук, я аккуратно сложила ту самую футболку — на всякий случай. Мы не говорили больше о ссоре, будто если не произносить слова вслух, они исчезнут. Но воздух в комнате всё ещё был тяжёлым, пропитанным недоговорённостью.

Перед сном мы сидели на диване, прижавшись друг к другу, но не так, как обычно. Между нами оставалось невидимое расстояние — то самое, которое появляется, когда слова уже сказаны, но ещё не прощены.

— Завтра будет лучше, — прошептал Даня, целуя меня в висок. — Обещаю.

Я кивнула, хотя не верила в это обещание. Но мне хотелось верить. Очень хотелось.

Ночь накрыла город, приглушив его огни. А я лежала, прислушиваясь к дыханию Дани, и думала о том, что завтра мы сядем в машину и поедem навстречу чему-то новому. И что бы ни ждало нас впереди, мы должны научиться слышать друг друга. Мы так берегли наши отношения... В какой момент всё пошло под откос?

— Крис, засыпай, пожалуйста. Шорох твоих мыслей не дает мне уснуть, — Даня повернулся ко мне и сгреб в свои объятия.

Глава 2. «Перелёт»

В самолёте было шумно и одновременно слишком тихо — тот странный гул, который заполняет уши и вытягивает из головы все связные мысли. Я открыла блокнот, провела пальцем по шершавой обложке, вывела на странице первую строчку... и тут же её зачеркнула. Слова не хотели складываться. Они рассыпались, как бусины из порвавшейся нитки, и я не могла их собрать.

Я смотрела в иллюминатор, где облака казались ватными, бесформенными, будто кто-то разорвал подушку и разбросал перья по небу. В груди ворочалось неприятное чувство — липкое, настойчивое. Страх, что вдохновение, которое всегда было моим якорем, вдруг исчезнет. Что я приеду туда, куда мы едем, и не смогу написать ни строчки. Что вся эта дорога окажется напрасной.

Даня сидел рядом, откинув спинку кресла, но не спал. Он поглядывал на меня — коротко, будто боялся спугнуть, если будет смотреть слишком долго.

— Опять зачёркиваешь? — тихо спросил он, наклонившись ко мне.

Я пожала плечами, стараясь улыбнуться, но улыбка вышла кривой, ненастоящей.

— Не идёт, — призналась я, захлопывая блокнот. — Слова какие-то пустые. Как будто я пытаюсь налить воду в дырявое ведро.

Он помолчал, потом взял мою руку, сжал её крепко, по-своему, так, как умел только он — без лишних слов, но так, что становилось чуть легче.

— Может, им просто нужно время? — сказал он. — Пусть полежат. Ты же не можешь заставить себя писать, как будто включаешь кран.

Я хотела возразить, сказать, что всё не так просто, что этот страх глубже, чем просто «не пишется». Но вместо этого вдруг выпалила то, что давно крутилось на языке, но я боялась произнести:

— А если оно вообще уйдёт? Если я приеду, оглянусь вокруг, увижу всё это — и пойму, что больше ничего не чувствую? Что мне нечего сказать?

Даня не отвёл взгляд. Не стал говорить банальности вроде «ты просто устала» или «всё будет хорошо». Он просто слушал. И от этого мне стало чуть легче — будто я не одна держу этот тяжёлый камень.

— Знаешь, — медленно произнёс он, глядя куда-то вперёд, на спинку кресла перед нами, — я тоже боюсь.

Я повернулась к нему, удивлённо приподняв брови. Даня редко говорил о страхах. Он был тем, кто решал проблемы, кто находил выход, кто держал всё под контролем. Слышать от него слово «боюсь» было странно, почти непривычно.

— Чего? — прошептала я, будто боялась спугнуть его откровенность.

Он сглотнул, будто подбирая слова.

— Боюсь, что не смогу защитить тех, кто мне дорог. Что случится что-то, а я... я просто не успею. Не смогу быть там, где нужно. Или сделаю что-то не так, и это сломает чью-то жизнь. Твою, например.

Его голос дрогнул на последнем слове, и я вдруг поняла, что его спокойствие, его практичность — это не равнодушие. Это броня. Он прятал за ней свой собственный страх — такой же настоящий, как и мой.

Я накрыла его руку своей, переплетая наши пальцы.

— Ты не можешь защитить всех, Даня, — тихо сказала я. — И не должен. Мы просто... мы идём по этой дороге вместе. И если что-то случится, мы справимся. Вместе.

Он кивнул, но в его глазах всё ещё читалась тень сомнения.

— Легко сказать, — пробормотал он. — Но когда ты любишь кого-то, хочется быть сильнее, чем ты есть. Хочется быть стеной.

— А может, не стеной, — возразила я. — Может, просто тем, кто не уйдёт. Тем, кто будет рядом, даже если всё рушится.

Он посмотрел на меня долго, внимательно, будто пытался запомнить каждую чётточку моего лица. Потом слабо улыбнулся — не той уверенной улыбкой, которая скрывала всё, а настоящей, чуть уязвимой.

— Наверное, ты права, — прошептал он. — Иногда достаточно просто не уходить.

Мы посидели так, держась за руки, пока самолёт летел сквозь облака. Шум двигателей, голоса пассажиров, объявления стюардесс — всё это стало фоном, чем-то далёким и неважным. Важным было только то, что мы наконец-то сказали друг другу то, что так долго держали внутри.

Но даже после этого между нами оставалась тень — та самая недоговорённость, которая не исчезает от одного разговора. Она была похожа на тонкую паутину, едва заметную, но цепляющуюся за каждое движение. Мы сделали шаг навстречу друг другу, но до полного понимания было ещё далеко.

— Слушай, — вдруг сказала я, чуть крепче сжимая его пальцы, — я понимаю, что ты стараешься всё держать под контролем. И я ценю это. Правда. Но когда я начинаю паниковать из-за слов, мне не нужен план действий. Мне нужно, чтобы ты просто сказал: «Я здесь. Я вижу, что тебе тяжело».

Даня чуть нахмурился, будто всерьёз обдумывал мои слова, а не просто кивал из вежливости.

— Прости, что не делал этого раньше, — серьёзно ответил он. — Я думал, что, если покажу, что держу ситуацию, тебе станет спокойнее. А выходит, я только отдалялся.

— Ты не отдалялся, — мягко поправила я. — Просто мы говорили на разных языках. Ты — на языке решений, я — на языке страхов.

Он криво усмехнулся.

— Звучит так, будто нам нужен переводчик.

— Или просто научиться слушать друг друга на обоих языках, — улыбнулась я.

Он наклонился ко мне, коснулся лбом моего виска — этот жест был таким привычным и таким нужным.

— Я постараюсь, — тихо пообещал он. — В следующий раз, когда ты будешь зачёркивать строчки, я не скажу «пусть полежат». Я скажу: «Хочешь, посидим и просто помолчим вместе?»

Я рассмеялась — впервые за день по-настоящему, без напряжения.

— Знаешь, иногда молчание — это тоже слова. И, пожалуй, сейчас мне хватит и этого.

Когда самолёт начал снижаться, я снова открыла блокнот. На этот раз не для того, чтобы писать, а просто чтобы держать его в руках — как напоминание, что слова вернутся. Они всегда возвращались. Просто им нужно было время.

Даня посмотрел на меня и улыбнулся — уже чуть увереннее.

— Приземляемся, — сказал он. — Дальше будет проще.

Я не знала, будет ли проще. Но я знала, что теперь мы хотя бы смотрим в одну сторону. И этого пока было достаточно.

Глава 3. «Прибрежный город»

Машина медленно катилась по узкой дороге, ведущей к центру городка. Асфальт здесь был старый, местами потрескавшийся, будто его не трогали с восьмидесятых. По обочинам росли жёсткие пучки травы, а воздух — густой, тяжёлый от соли и йода — сразу проникал в лёгкие, оседая на языке привкусом моря.

Я опустила стекло и глубоко вдохнула. В этом запахе было что-то первобытное, древнее. Он будоражил, тревожил и одновременно притягивал.

— Чувствуешь? — спросила я, повернувшись к Дане. — Здесь пахнет не просто морем. Здесь пахнет тайной.

Даня покосился на меня, чуть приподняв бровь.

— Здесь пахнет водорослями, которые выбросило приливом, — спокойно ответил он. — И немного рыбой. Обычная прибрежная история.

Я хотела возразить, но сдержалась. Вместо этого просто плотнее прижала к себе блокнот, как будто он мог защитить меня от этого странного, застывшего во времени места.

Городок будто замер между прошлым и настоящим — не просто застыл, а словно затаил дыхание, боясь спугнуть ту самую тишину, что стала его главной чертой. Старые деревянные дома с потемневшими от ветра досками стояли плечом к плечу, словно держались друг за друга, чтобы не упасть, — и в этом было что-то отчаянно безнадёжное, будто они знали: если один рухнет, потянет за собой остальных. Краска на ставнях облупилась, обнажив слои времени — каждый цвет рассказывал свою историю, но никто уже не хотел её слушать.

На набережной — ни души, хотя день был ясный, почти безветренный. Только чайки кружили над водой, кричали резко, будто предупреждали: «Не суйтесь». Их крики эхом отражались от пустых фасадов и тонули в тяжёлой тишине, которая здесь казалась почти осязаемой — густой, как туман, оседающий на плечи и липнущий к коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.